

Воспоминания К.Г. Паустовского о начале XX века:

текст и контекст

За последнее десятилетие появилось практически неисчислимо количество воспоминаний, в которых так или иначе воспроизводится общественная и историко-культурная ситуация начала XX века. Но, странное дело, большинство из опубликованных – это мемуары тех, кто в свое время оказался в эмиграции и именно оттуда бросали ретроспективный взгляд на прошлое. В Советской России к 90-м годам XX века уже практически некому было вспоминать. Те, кто остался на родине, опубликовали сохранившееся в памяти, а, вернее, то, что разрешили сохранить и обнародовать, ранее. И, естественно, под тем углом зрения, который позволял высвечивать все то, что предшествовало и содействовало революции 1917 г., т.е. в соответствии с определенной идеологической схемой. Единственное, может быть, исключение – это мемуары А.Белого, Г.Чулкова, В.Пяста о литературной атмосфере Серебряного века, которые успели увидеть свет еще в начале 1930-х гг., до наступления жесткого идеологического прессинга. Но и они тоже грешат излишней «прозорливостью» по части усмотрения в символизме порочных тенденций (А.Белый) или преувеличением собственного «революционного» пыла (Чулков).

И вполне понятно, что на ярком фоне воспоминаний З.Гиппиус, И.Одоевцевой, Н.Берберовой, П.Пильского, Дона-Аминадо потускнели, а, порою, и совсем забылись те воспоминания, из которых читатель даже в советские годы узнавал хотя бы частицу правды о пройденном пути, о прожитом и пережитом. К таким бесконечно ценным свидетельствам можно отнести воспоминания К.Г.Паустовского, с которых он начал свою жизнь в Тарусе. «Начало неведомого века» – третья часть «Повести о жизни» – была написана в 1956 г. и самим своим названием отсылала читателей к уже порядком забытым воспоминаниям «Начало века» А.Белого, который так и не смог стать «своим» для советских чиновников от литературы, в связи с чем и его мемуаристика не пользовалась доверием. Так Паустовский перебрасывал мостик к самому ценному достоянию русской культуры Серебряного века – символизму.

Именно третья книга «Повести о жизни» обещала быть самой сложной в отношении интерпретации описываемых событий, поскольку касалась не просто детских впечатлений, которые отразились в первых двух частях, а сознательному периоду формирования личности автора, совпавшему с крупнейшими историческими событиями в судьбе родины. Здесь, как когда-то в 1920-м году, в Одесском порту, с особенной остротой встала перед Паустовским проблема вы-

бора, поскольку необходимо было соблюсти нужную пропорцию: попытаться донести правду и сделать так, чтобы написанное все же увидело свет.

Это в первую очередь касалось портретов политиков. Но прежде чем оценить вклад Паустовского в портретную галерею исторических деятелей, отметим, какой кладезь наблюдений содержит его «миниистория» русской журналистики. Может быть, к этой части мемуаров особенно применим завет писателя о «прибавлении» человеку «зоркости», как одной из основных задач творчества. Но при этом следует помнить, что в целом мемуары - не «первый взгляд» хроникера, пишущего по «свежим следам», а «взгляд второй – пристальный, изучающий, вооруженный знанием», обнаруживающий «бездонную мглу загадок и необыкновенности»¹, взгляд отстоявшийся и уже поэтому претендующий на итоговое знание.

К сожалению, я не помню ни одной отсылки к этой портретной галерее в научной литературе. И это при том, что журналистика и журналисты – это самое эфемерное, неустойчивое, почти не отражающееся в истории культуры явление. Поистине газетная сенсация живет один день - и кто помнит ее создателя! А ведь, пожалуй, только из воспоминаний Паустовского можно узнать о посетителях кафе журналистов в Столешниковом переулке, об известном книголюбе Щелкунове, который не чурался едва ли не воровства понравившейся ему книжной продукции. Но при этом был не просто скрягой коллекционером, а поэтом книги, прочитавшим однажды такой информативности доклад об истории книги, что Паустовский после этого надолго «заболел» Востоком. Эту «болезнь» всячески поддерживал другой журналист, знаток восточной культуры и философии, познакомивший Паустовского с учением бабаистов, Розовский. И очень пророчески звучат слова знатока ислама о «черном стремительном самуме» (С. 619), готовом обрушиться на мир европейской цивилизации, если будет объявлена священная война. Замечательные случаи, связанные с председателем «Общества любителей канареечного пения» репортером Савельевым или «королем сенсаций» Леонидовым, благодаря Паустовскому никогда не канут в Лету. Такие же яркие зарисовки оставил он о выступлениях приезжавших в Россию политиков – французском министре Альбере Тома и бельгийском социалисте Вандервельде, с большим недоверием встреченных солдатской массой.

Но, наверное, едва ли не самым ценным можно считать попытку осознания объективной роли в революции А.Ф.Керенского. «... я понял, - написал в мемуарах Паустовский, - что Керенский был просто больным человеком с большой долей «достоевщины», актером, поверившим в свое высокое мессианское назначение и несущимся очертя голову в пропасть. Он был, по-видимому, честен в своих взвинченных убеждениях, в своей приверженности к России, - этот истерик, вынесенный, как легкая стружка, на гребень первой революционной волны»². Сегодня в этой характеристике не видится ничего удивительного. Скорее даже обращаешь внимание на